

В США её, как русскую разведчицу, посадили в тюрьму. После освобождения, она стала депутатом Государственной Думы Российской Федерации и ведущей авторской программы «Куклы наследника Тутти» на 1-м канале российского ТВ.

МАРИЯ БУТИНА:

«Я не хочу забывать тюрьму»

Часть 2-я. Продолжение.

О приходе к вере в тюрьме и о критическом моменте. О плохих поступках Марии Бутиной в тюрьме. О её семье — нынешней и будущей. И была ли Мария Бутина разведчицей? Об этом и многом другом поговорили Мария Бутина и Владимир Легойда в программе «Парсуна».

- Мы говорим про надежду, а антоним надежды — это отчаяние, наверное, уныние. Вы помните такую точку наивысшего, если она была, отчаяния, когда вам казалось — всё. Был какой-то такой момент?

- Наверное, я бы так сказала: он был каждый день, причём, примерно, я даже знаю время — примерно в три часа дня, я не знаю почему это три часа дня, пятнадцать часов, каждый день, конечно, особенно когда ты находишься в изоляции, это тот момент, когда ты говоришь: «Всё. Я выхожу. Выпустите меня отсюда, потому что больше это невозможно, откройте эту дверь». Ты готов долбиться в неё просто потому, что вот эти квадратные метры, эти белые стены и вот этот вид на кирпичную какую-то кладку — ты всё, больше не можешь. До ночного — мне ночью только давали свободное время, час или два, когда можно выйти, позвонить по телефону и принять душ, — до этого времени ещё осталась целая бесконечность. И вот это три часа дня, когда у тебя кончились силы бороться, всё. И каждый раз в этот момент ты обращаешься к молитве. Интересная штука вообще, как в моей жизни произошло становление на пути веры, оно, кстати, случилось не с той встречи с отцом Виктором, вовсе нет, мы поговорили с ним, это дало мне воодушевление, облегчение от исповеди, но это было только начало пути. Потом был следующий момент, я отца Виктора спросила: «Так, ну хорошо, но что же мне делать?» А я такой деятельный человек, мне нужно дать какой-то план.

- Дорожную карту.

- А он мне оставил (это, кстати, разрешалось, можно было передать через капеллана) малюсенький такой (у меня он до сих пор есть),

Фрагмент передачи 1-го канала ТВ «Куклы наследника Тутти»

молитвослов. И он говорит: «Читай молитву». Я говорю: «Что, всё?» То есть вот взял — и читаешь молитву, что ли? И день я читала молитву утром и вечером. И потом второй день — утром и вечером. Чуда не произошло. Третий день — утром и вечером.

- Где результат? Вы ждёте результат, да.

- А на четвёртый день я услышала дождь. Это был очень интересный момент, вообще, ваша передача первая, где я об этом рассказываю, потому что я очень ждала, что мы с вами встретимся, потому что у меня не было возможности ещё ни с кем, пожалуй, поговорить о том, что случилось. Потому что в один день, в какой-то из дней я открываю молитвослов, и вот в самый тяжёлый момент, когда наступили эти три часа дня, я понимаю, что всё, сейчас выйду, ну не могу больше, сейчас лягу и умру прямо здесь — ты открываешь и начинаешь читать эти слова, и вдруг к тебе приходит покой. Его невозможно описать, его нельзя передать, я закрываю глаза и слышу дождь, и я понимаю, что... я просто знаю, что Господь есть. Дальше не надо объяснять, потому что этим отличается знание от веры: ты просто знаешь. И вот с этого самого момента я начинаю уже копаться в книгах, мне интересно, я начинаю смотреть и видеть через слово, о чём, в общем-то говоря, между строк, о чём, собственно, речь, и тогда ты уже тогда, как говорится, в коня корм: ты начинаешь видеть тексты, которые дают тебе ответы, Библия даёт тебе ответы на любой вопрос, они все там есть. Больше того, отец Виктор меня убедил в очень важной вещи и многим-многим из нас стоит об этом задуматься. Когда попала в тюрьму, я думала, что это наказание, я сразу придумала миллионы вариантов, за что меня можно было наказывать, и это правда: это недостаточно внимание к родителям, за вот то же пренебрежение к людям, у меня грехов до сих пор и каждый день достаточно, как у всех нас. Но отец Виктор мне сказал: «Подумай о другом, почитай, может быть, Господь любит тебя настолько, что даёт тебе урок». И вот когда ты начинаешь смотреть, действительно, познаёшь Бога, и ты начинаешь видеть, что речь идет о любых твоих испытаниях от Его большой любви, Он ведь всего лишь пытается тебя чему-то научить, и у тебя два варианта: ты либо падаешь каждый день в три часа дня и страдаешь, либо собираешь всю свою волю, которая дана тебе Господом, в кулак и начинаешь использовать каждую минуту, с того самого дня, когда я услышала дождь. Мне в карцере не хватало времени, у меня не было времени, я читала книги, у меня в каждой книге были закладки, у меня были и житие, и история, архитектура храмов — всё, мне не хватало времени на всё. Я думала, ну, конечно, мне не хотелось оставаться в карцере дольше, но с другой стороны, страшная штука: наверное, даже и хотелось, потому что это был тот момент, когда... у меня его больше

Фото: <https://www.1tv.ru>

в жизни никогда не будет, вот этот момент быть наедине с собой. Поэтому каждое испытание, которое дано тебе, может быть, это тебе вот инструмент на будущее, используй с умом.

- Вы описываете эту ужасную историю, что, собственно, физически тебя не бьют, но пыткой является то, что тебя фактически подталкивают к ситуации, когда ты вынужден попросить какие-то транквилизаторы, более сильные, и это в конечном итоге тебя способно превратить в овощ. И вы уже сказали и пишете про это, что кто-то сразу (или не сразу) к этому склоняется. А вот у вас, помимо вот этой ситуации, когда наступало три часа дня, были, может быть, конкретные эпизоды, когда вы считали: всё, надо попросить, потому что я больше это терпеть не могу?

- Был такой момент один раз. Спасла меня от него мама. Шёл какой-то там двадцатый, тридцатый, сороковой день... Нет, первый месяц я с родителями вообще не разговаривала, а во время второго месяца

Мария Бутина

ТЮРЕМНЫЙ
ДНЕВНИК

нахождения в карцере, я уже потерялась в днях. И когда стало уже совсем тяжело, я вышла ночью, и смогла дозвониться родителям, что было, кстати, редким случаем, потому что телефон постоянно не работал, и наконец я дозвонилась... И вообще я никогда не плакала, потому что им и так плохо, и ещё если я расплачусь, ещё и мне будет хуже, всем хуже, поэтому. Но в этот раз мне было что-то совсем плохо. И как раз дело развивалось в достаточно неправильном направлении, и адвокаты начали считать, сколько мне дадут, то ли шесть лет, то ли девять, и для меня это, конечно, очень тяжело, для девушки в 29 лет пережить то, что ты выйдешь из тюрьмы и неизвестно, будут ли живы вообще твои родители, если тебе дадут пятнадцать лет лишения свободы. Это страшное ощущение, ты думаешь, что вот

прошлым летом вы виделись — это что, всё, в последний раз? И вот тогда я по телефону говорю с мамой, чувствую, голос у меня дрожит, сил у меня нет, и мама, видимо, это почувствовала, и говорит: «Так, а ну собралась, ну-ка не сдаваться! Да мы тебя так ждём, да тебя ждёт вся страна, да ты не представляешь как!» И с этого момента я вернулась в камеру, как положено, мне захлопнули железную дверь, я подумала: нет, не дождётесь. И вот почему я начала нашу с вами беседу с «ты пал — восстань», потому что каждый раз, когда ты вот, прям, падаешь, кажется, становишься ещё сильнее, если находишь в себе силы подняться. Потому что уже опыт этого падения, он уже - в тебе. И поэтому вот так, по ступенечкам, строилось моё нежелание пить таблетки, я же понимала, что меня, скорее всего, не только превратят в овощ, но перед этим ещё и заставят что-нибудь по бумажке прочитать, наговорить на кого-нибудь что-нибудь, потом это покажут по телевизору и скажут: «вот

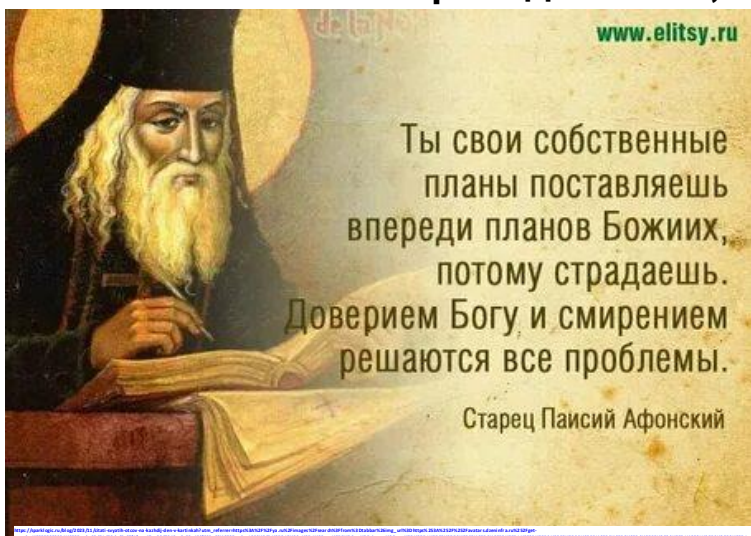
посмотрите, злобная Россия» в очередной раз. Я не имела права так подставлять страну.

- Скажите, пожалуйста, вот это опыт, этот ад, через который вы прошли, это, безусловно, точка такого высочайшего напряжения, даже не точка, это, в общем, целые 15 месяцев, и дай Бог, чтобы ничего подобного никогда не повторилось в вашей жизни. Но у всего есть другая сторона. Может быть, это неприятный вопрос, но, смотрите, у вас впереди жизнь, вы много чего можете достигнуть, и дай Бог, я уверен, что достигнете, но в каком-то смысле к этому будут всегда возвращаться, и для большого числа людей вы всегда будете вот той девушкой, которая сидела в американской тюрьме. То есть, простите мне это сравнение, но это как актёр, лучшая роль которого уже сыграна. Что вы думаете по этому поводу?

- В конечном итоге это неважно — то, как тебя воспринимают остальные, мы же с вами всё-таки говорим о вере, так вот, важно совсем другое. В общем-то, всё это мирское, мы пришли в этот мир, мы из него уйдём, вопрос в том, что ты оставишь после себя. Если мой тюремный опыт, мои рассказы об этом, моя книга, в конце концов, поможет кому-то пройти через страдания — великолепно, я буду считать, что пусть это будет самая главная роль в моей жизни. А я ведь знаю, по отзывам на книгу, что такие люди есть. Кому-то достаются гораздо большие испытания, чем мне, кто-то оказывается болен, смертельно болен, становится инвалидом, вот это страшно. И если я могу хоть как-то дать этому человеку сил, я считаю, что моя миссия выполнена, а там дальше уже как Господь пошлёт — остальные миссии.

- Сказать, что вы человек терпеливый, — это ничего не сказать. А есть что-то в жизни, может быть, в быту, что может вывести из себя?

- Наверное, не знаю, может быть. Я человек достаточно системный и у меня всё подчинено расписанию. Кстати говоря, это штука, которой мне ещё предстоит учиться и учиться, — не следовать расписанию, а наоборот, потому что это сыграло со мной злую шутку в тюрьме. Потому что ты там себе не принадлежишь, тебя выводят из камеры тогда, когда

сочтут нужным и если сочтут нужным, ты из субъекта становишься объектом, ты больше ничего не контролируешь, и самый главный урок, который ты учишь в тюрьме, — это то, что весь контроль ты отдаешь Богу, ты знаешь, что ты в Его руках и всё будет хорошо. Вот это вот «всё будет хорошо» или, как американские заключённые говорят друг другу, не зная, кому

какой дадут срок: «ты скоро будешь дома», на английском это звучит: «you'll be home soon». Это самая страшная фраза, которую можно

услышать, потому что все знают, что, наверное, она - ложь, наверное, не скоро, особенно когда это говорят людям, которых приговорили к смертной казни, или людям, которые будут сидеть пожизненно, 20, 35 лет оставаться за решеткой. Женщинам — это значит – всё. Если она - молодая девушка, у неё уже не будет ни семьи, ни детей, потому что если кто не знает, у них нет УДО (условно-досрочного освобождения), И с одной стороны, да, но вот умение отдать контроль, в каком-то смысле плыть по течению и доверить себя Всевышнему — это большое искусство. Мне казалось, что я ему научилась, находясь в заключении, но, вернувшись сюда, говоря о терпении, я поняла, что нет, я снова стала этим вот строгим человеком, который планирует каждые пять минут, у которого иногда не хватает времени. Как сегодня - еду к вам на эфир, смотрю на небо и думаю: это ведь такое же небо, как было там, какое же оно красивое. Вот этот найти момент в своем графике...

Фото: <https://blitz.center/shou-kukly-naslednika-tutti>

- **Посмотреть на небо...**

- ...жить без графика, посмотреть на небо и сказать: Господи, как прекрасно то, что окружает нас, и слава Богу, мы сейчас дышим. Вот умение отпустить и наслаждаться текущим моментом, вот его мне, наверное, не хватает, я бы очень хотела, чтобы это в моей жизни было. Поэтому меня выводит из себя, когда расписание не идёт, как положено, но чуть-чуть я стала умнее, и в этот момент я говорю: значит, так должно было быть. И знаете, да, когда ты смотришь обратно, ты думаешь: ой, как хорошо, что я не успел туда-то, туда-то, потому что вот как всё должно было сложиться, этому меня научила тюрьма. Когда я освободилась и для себя сделала выводы, это вывод моей книги: я не хочу забывать тюрьму, потому что те уроки, которые я вынесла из неё, они для меня жизненно важные, это становление в вере, его нельзя вычеркнуть и даже пытаться не стоит, это часть твоей истории. И здесь то же самое, ты должен в какой-то момент осознать это, что то, что произошло в твоей жизни, тебе кажется, это неприятно, мне тогда казалось, это явно неприятно, а теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что так должно было быть, из песни слов не выкинешь.

- **Ваша книга («Тюремный дневник») очень искренняя, она документальная, это всё понятно. Но вы не совершаете там ни одного плохого поступка — это как? Их не было?**

- Да нет, были, конечно, но они больше были связаны с моим внутренним миром, иногда с несдержанностью, Я злилась внутри, да, я это не выражала, но я-то знаю, что я перешла эту черту. В американской тюрьме, СИЗО, где я находилась десять месяцев, работа в качестве технички считалась огромной привилегией, потому что те, кто работал, кроме семи долларов в месяц — это была заработная плата, ну понятно,

это смешно, — давалась самая главная преференция, преимущество: у тебя была возможность, когда всю тюрьму, всех запирали по камерам, то есть отправляли в изоляцию, у тебя иногда была возможность находиться в общем зале...

- Да, вы пишете про это.

- Это очень ценный момент, для меня, для человека, который, заметьте, мои все вот эти вот негативные поступки — я их пережила уже в карцере, я уже сама с собой столько внутри перемешала, у меня было уже столько демонов в голове в это время, потому что за это время изоляции вот это всё превратилось в смирение. Поэтому когда я выхожу, сталкиваюсь с людьми, сначала я их просто люблю, я готова с ними играть, потом я хочу стать уборщицей, почему? Ведь ещё кое-что я не пишу в своей книге, потом уже поняла, что зря, ведь я была, в том числе, в отделении особо опасных преступников, я их тоже ведь описываю как буквально ангелов, почему? Ведь они дрались и едой бросались, воровали друг у друга еду и били друг друга по голове подносами, и, простите, ходили в туалет мне прямо в душе, чтобы я это мыла по ночам, — что, они меня полюбили сразу? Нет. Были ли у меня какие-то с ними разборки? Никогда не было. Почему — потому что я хотела выучить другое, я хотела выучить для себя смирение, потому что один из самых, наверное, страшных грехов, который у меня был и есть, — это гордыня, это вот как раз это ощущение...

- Вы не уникальны в этом смысле, у всех...

- Но я хотела с этим работать, я много читала и поняла, что, если с этим я не научусь как-то сладить, потому что в конечном-то итоге это наше решение. Господь дает тебе всё, инструменты, книги — всё абсолютно, молитва — самое сильное твое оружие, но вот оно, общество, у меня было сколько, когда менялось тюремное население — 22 человека, и что они только ни делали, они пытались вывести меня из себя, а я всё равно дала себе слово, что они

будут делать всякие непристойные вещи мне в душе, а я буду это мыть и не скажу ни слова. И знаете, что удивительно, удивительно другое, я ведь просто взяла это из учений наших старцев, святых отцов, и всё, и просто делала, я совсем не поняла, зачем я это делала, но я это делала, потому что я прочла об образце поведения - смирении. А потом я поняла, зачем это было нужно, потому что через какое-то время вот этих провокаций, которые у меня были, они как маленькие дети, они меня провоцировали раз за разом, со временем им стало самим неудобно, и они стали заботиться обо мне, а потом друг о друге, и мир вокруг меня стал меняться — вот это было самое удивительное. И открытие для меня было не в том, что я себя научила быть смиренной, нет, а в том, что, когда

ты живёшь в согласии со словом Господа, мир вокруг тебя становится другим. И потом, то, что вы читаете в моей книге абсолютная правда, вместо того, чтобы воровать еду, мы стали все есть вместе, мы стали делиться едой. Потому что эти женщины до этого, они ни от кого хорошего слова не слышали, многие из них выросли на улице, в наркопритоне, а тут им кто-то дал надежду, я их полюбила в кредит, не за то, что они сделали что-то, а за то, что они не сделали, и поэтому, когда я их описываю в своей книге, я их видела именно так. Потому что я так решила, я решила в них видеть хорошее, у меня не было некрасивых женщин вокруг меня, они все светились, потому что я решила так. Потому что любить человека хорошего легко, а ты попробуй полюбить человека, который тебе... опять же, я всегда буду возвращаться к христианской мудрости, потому что сейчас, разговаривая с вами, я всё больше и больше вспоминаю эти вещи. Потому что легко любить когда всё хорошо, а ты попробуй полюбить несовершенного человека, того, который не делает ничего хорошего тебе, а наоборот. Вот ты попробуй полюбить его, вот это может считаться подвигом. А то, когда с тобой так хорошо обращаются, это легко, а вот протянуть руку первому, особенно когда в отношении тебя проявляют ну, так скажем, не особое расположение, вот это сложно.

Фото: <https://bangkokbook.ru/poezdki/mariya-butina-v-ssha.html>

- Вы очень много и тепло говорите в книге о своей семье — о бабушке, о дедушке, о маме с папой, о сестре.

- Я видела и вижу заботу моих родителей о своих родителях, и для меня - это образец поведения. Я не приняла американский образ жизни, я не понимаю, как можно в 17 лет,

когда ребёнок заканчивает школу, выгнать его из дома, причём в прямом смысле — выгнать и сказать, что ты иди дальше сам, бери займ на учёбу, иди живи где хочешь, иди снимай квартиру, делай что хочешь, но учись самостоятельно — выбросить его из гнезда, как человек русский, я не понимаю этого. Я пыталась их понять, не значит, что я буду так делать, я пыталась хотя бы понять, я так и не поняла. У меня иногда спрашивают: ты хотела бы, например, ну вот если бы этого не произошло, осталась бы ты в Америке или не осталась? Нет, я их образа жизни не понимаю, и зачем даже такая сытая жизнь, если, как говорится, лучше салат зелёный, лучше листья разделить с другом, чем замечательное, прекрасное мясо с человеком — с недругом, я не могу так...

Печатается в сокращении.

Источник: <https://foma.ru/menja-spasli-no-ja-chuvstvuju-sebja-vinovatoj-marija-butina.html>

Ещё больше интересных статей см. на сайте: <https://небесный-дом.рф>
(или: <https://nebesniydom.ru>)